

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

— БРОННИ ВЭР —

самая известная в мире паллиативная медсестра

Пять откровений о жизни

или

О ЧЕМ ЖАЛЕЮТ
ЛЮДИ ПЕРЕД
СМЕРТЬЮ

«Вэр пишет о поразительной ясности ума, которая нисходит на людей незадолго до смерти, и о том, как многому мы можем у них научиться».

— The Guardian —

ПЕРЕВЕДЕНО
НА 30+ ЯЗЫКОВ
МИРА

Найди свой путь. Духовный опыт

Бронни Вэр

Пять откровений о жизни

«ЭКСМО»

2012

УДК 616-08
ББК 53.5

Вэр Б.

Пять откровений о жизни / Б. Вэр — «Эксмо», 2012 — (Найди свой путь. Духовный опыт)

ISBN 978-5-04-104125-0

Книга мемуаров самой известной в мире паллиативной сиделки, переведенная на 30 с лишним языков и прочитанная более чем миллионом человек по всему миру. В юности Бронни Вэр, поработав в банке, поняла, что ей необходима работа «для души». И хотя у нее вначале не было ни опыта, ни образования, она устроилась работать паллиативной сиделкой. Несколько лет, которые она провела рядом с умирающими, оказали на нее очень глубокое влияние и определили направление ее жизни. Вдохновленная историями и откровениями своих умирающих пациентов, Бронни Вэр опубликовала интернет-пост, где описала пять самых распространенных вещей, о которых люди жалеют на пороге смерти. В первый же год этот пост прочитали более трех миллионов человек по всему миру. По просьбе многих читателей Бронни написала эту книгу, где она подробнее рассказывает о своей жизни, о взаимодействии с людьми на пороге смерти и о том, как следует жить, чтобы умереть с легким сердцем.

УДК 616-08
ББК 53.5

ISBN 978-5-04-104125-0

© Вэр Б., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Введение	6
Из тропиков в снег	9
Неожиданный карьерный путь	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Бронни Вэр

Пять откровений о жизни

*Маме и бабушке. Ваша неустанная любовь и поддержка помогли
мне открыть в себе силу.*

Bronnie Ware

THE TOP FIVE REGRETS OF THE DYING

Copyright © 2012 Bronnie Ware Originally published
in 2012 by Hay House Inc.

© Автономова Н., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Введение

Нежным летним вечером в одном маленьком провинциальном городке шел ничем не примечательный разговор – наверняка сотни точно таких же разговоров шли в это же время в разных уголках мира. Просто двое друзей сидели и болтали. Этот разговор отличало только то, что впоследствии он оказался одной из главных поворотных точек в чьей-то жизни – а именно, в моей.

Сек – редактор прекрасного австралийского журнала о музыке в стиле фолк: Trad and Now. Его знают и любят в равной степени за поддержку фолк-музыки в Австралии и за широкую радостную улыбку. Мы болтали о том, как любим музыку (что было весьма уместно, поскольку мы были на фестивале фолк-музыки). Речь зашла о том, что мне никак не удается найти деньги для запуска своей музыкальной образовательной программы в женской тюрьме. «Если все получится, дай мне знать, мы напечатаем об этом материал», – сказал Сек ободряюще.

Все действительно получилось, и некоторое время спустя я написала колонку об этом опыте. Закончив ее, я спросила себя, почему я так редко пишу. В конце концов, мне всегда это нравилось. Еще веснушчатой девчонкой я переписывалась с друзьями по всему миру. Это было в те древние времена, когда люди еще писали друг другу письма от руки, клали их в конверты и бросали в почтовые ящики.

Повзрослев, я не только не перестала писать письма друзьям, но и полюбила вести дневник. К тому же я писала песни, так что мое писательство, в общем-то, не прекращалось, просто теперь к ручке добавилась еще и гитара. Но статья о тюрьме, которую я писала старомодным образом – за кухонным столом, ручкой на бумаге, – доставила мне такое удовольствие, что я вспомнила, как люблю писать. Так что я отправила Секу благодарственное письмо и вскоре после этого начала вести собственный блог. То, что случилось потом, изменило мою жизнь наилучшим образом.

Блог «Вдохновение и чай» родился в деревенском домике в Голубых горах Австралии, разумеется, под чашку чая. В одном из первых текстов, который я туда написала, рассказывалось, о чем сожалели перед смертью мои пациенты. Перед тем как начать работать в тюрьме, я была паллиативной сиделкой, и воспоминания об этом опыте были еще совсем свежи. В следующие несколько месяцев пост про умирающих загадочным образом разлетелся по просторам интернета. Мне начали приходить имейлы от незнакомых людей, которые делились своими мыслями об этом и других текстах моего блога.

Прошел почти год, я жила уже в другом домике, теперь в сельскохозяйственном районе. Как-то в понедельник я уселась с ноутбуком за стол на веранде и решила проверить статистику посещений своего сайта. Увиденное меня позабавило и заинтриговало одновременно. Во вторник я снова заглянула в статистику, а потом и в среду. Происходило что-то невероятное. Пост, который назывался «О чем сожалеют умирающие», вдруг взлетел в заоблачную высь.

Мне на почту хлынули имейлы со всего мира, в том числе от авторов, просивших разрешения процитировать мою статью в своих блогах, и от желающих перевести ее на другие языки. Этот текст читали люди в электричках в Швеции, на автобусных остановках в Америке, в офисах в Индии, за завтраком в Ирландии и так далее, и тому подобное. Не все соглашались с его содержанием, но он вызывал достаточно горячих обсуждений, чтобы продолжать свое путешествие по миру. Тем, кто был со мной не согласен, я писала в ответ (если писала): «Мопед не мой». Я всего лишь поделилась с читателями тем, что говорили мне люди на пороге смерти. Впрочем, как минимум девяносто пять процентов этих писем и комментариев были положительными. Поразительно, как много у людей общего, несмотря на их культурные различия.

Пока все это происходило, я продолжала жить в деревне, наслаждаясь пением птиц и любуясь животными, которые приходили к ручью перед моим домом. Каждый день я сидела за столом на своей веранде и работала, соглашаясь на новые предложения. В следующие несколько месяцев «О чем сожалеют умирающие» прочли более миллиона людей. В течение года эта цифра утроилась.

Написать на эту тему подробней я решила только потому, что множество людей сообщали мне, как их тронула моя статья и как они хотели бы прочесть продолжение. Вообще-то я всегда – как и многие другие – мечтала создать полноценную книгу. Но оказалось, что сформулировать уроки, вынесенные из работы с умирающими, я могу только через рассказ о себе самой. Книга, о которой я мечтала, созрела к написанию. Вы сейчас держите ее в руках.

Как вы скоро узнаете из моей истории, я никогда не шла по проторенной дорожке. Я действую так, как мне подсказывает жизнь, и эту книгу я написала просто как женщина, которой есть что рассказать о себе.

Имена почти всех персонажей в книге были изменены из уважения к их друзьям и родным. Впрочем, когда я вспоминала о своем первом инструкторе по йоге, о начальнице в перинатальном центре, о владельце автомобильной стоянки и о моей наставнице в тюрьме, я использовала их настоящие имена; имена всех музыкантов в книге тоже настоящие. Хронологический порядок также пришлось немного изменить, чтобы сгруппировать истории по темам, объединяющим разных людей.

Я хочу поблагодарить всех, кто помогал мне на этом пути. За поддержку и положительное влияние на профессиональном поприще спасибо Мэри Берроуз, Элизабет Чэм, Вальде Лоу, Робу Конвэю, Ризе Райан, Барбаре Гилдер, папе, Пабло Акосте, Брюсу Рейду, Джоан Денниг, Зигфриду Кунце, Джилл Марр, Гаю Качелу, Майклу Блеме, Ане Гонкальвес, Кейт и Колу Бейкер, Ингрид Клифф, Марку Паттерсону, Джейн Даргавиль, Джо Уоллису, Бернадетт и всем, кто поддерживает мои литературные и музыкальные усилия.

Спасибо всем, кто в разное время давал мне крышу над головой, в том числе Марку Авеллино, тете Джо, Сю Крейг, Хелен Аткинс, дяде Фреду, Ди и Грегу Бернс, Дасти Каттелл, Марти МакЭлвенни, и тем замечательным людям, за чьими домами я присматривала. Спасибо также всем добрым людям, которым случалось меня кормить.

За личную поддержку на моем непростом пути спасибо всем друзьям, бывшим и настоящим, близким и далеким. Спасибо за то, что сделали мою жизнь настолько богаче и интересней. Отдельное спасибо Марку Невену, Шэрон Рошфор, Джули Скеретт, Мелу Джаллонго, Анджелин Раттанси, Кейти Макфарлейн, Брэду Антонию, Энджи Бидвелл, Терезе Клэнси, Барбаре Сквайр, всем работникам и волонтерам медитационного центра в горах, который помог мне обрести мир, и моему мужу. Когда мне больше всего нужен был отдых, вы были моими носилками.

Спасибо, конечно же, моей маме Джой. «Джой» значит «радость», и невозможно придумать для нее более подходящего имени. Своим примером ты преподала мне священный урок любви, бесконечное спасибо тебе за это.

Спасибо всем тем чудесным людям, которых уже нет в живых, чьи слова и истории не только вошли в эту книгу, но и изменили мою жизнь. Эта книга написана в память о вас. Спасибо также семьям моих покойных пациентов за пережитые вместе моменты, полные любви.

Наконец, спасибо сороке, которая поет в ветвях дерева у ручья, пока я пишу эти строки. Ты вместе с другими птицами составляла мне компанию, пока я писала свою книгу. Спасибо Богу за мою жизнь и за всю ту красоту, которую он мне посылает.

Иногда мы не сразу понимаем, что какой-то момент в нашей жизни был судьбоносным. Очень многие из описанных в этой книге моментов изменили мою жизнь. Спасибо тебе, Сек, что разбудил во мне писателя. И спасибо вам, мои читатели, за ваши добрые сердца и за ваш отклик.

С любовью и добротой, Бронни
Закатная веранда
Вечер вторника

Из тропиков в снег

«Где мои зубы? Где мои зубы?» – знакомые причитания донеслись до комнаты, где я отдыхала в свой законный обеденный перерыв. Отложив книгу, я отправилась в гостиную.

Как я и думала, Агнес стояла посреди комнаты с выражением невинного замешательства на лице, улыбаясь во весь свой беззубый рот. Мы обе расхохотались. Шутка должна была давно нам приесться, потому что Агнес стабильно теряла свои зубы каждые несколько дней. Но почему-то не приедалась.

«Вы это делаете специально, чтобы выманить меня из комнаты», – смеясь, я приступила к поиску во всех уже хорошо знакомых мне местах. На улице все падал и падал снег, и от этого внутри домика было еще теплее и уютнее. Агнес решительно помотала головой: «Вовсе нет, дорогуша! Я сняла их перед тем, как лечь поспать, а потом проснулась, и их нигде нет». Не считая провалов в памяти, голова у нее была совершенно ясная.

Наше соседство с Агнес началось четырьмя месяцами раньше, когда я откликнулась на объявление о поиске компаньонки для пожилой женщины. До этого я работала и жила в пабе, куда устроилась, чтобы не оказаться на улице после переезда в Англию из Австралии. Это был занятный опыт, и у меня завелись добрые друзья среди сотрудников и завсегдатаев заведения. Я была благодарна и за работу, и за крышу над головой, но пришло время сменить обстановку.

Последние два года перед отъездом в Англию я прожила на тропическом острове, живописном, как открытка. Я почувствовала, что мне просто необходимо вырваться из банковского офиса, где я в течение десяти лет с понедельника по пятницу вкалывала от звонка до звонка.

Как-то мы с сестрой отправились в отпуск на остров в Северный Квинсленд, отдохнуть и научиться нырять с аквалангом. Пока она флиртowała с инструктором, – что очень нам пригодились во время экзамена, – я решила подняться на ближайшую гору. Я сидела на громадном булыжнике, окруженная небом, улыбалась, и тут меня осенило. Я поняла, что хочу жить на острове.

Четыре недели спустя работа в банке осталась в прошлом; все мои вещи были либо проданы, либо отправлены храниться в сарай на ферме моих родителей. Посмотрев на карту, я выбрала два острова чисто по географическому принципу. Я ничего не знала об этих островах, кроме того, что мне понравилось их расположение и на каждом был курорт. Все это происходило еще до появления интернета, то есть до возможности в секунду получить всю необходимую мне информацию. Бросив в почтовый ящик свое резюме, я взяла рюкзак и отправилась на север безо всяких определенных планов. Был 1991 год, так что у большинства людей в Австралии еще не было мобильных телефонов – они появились через несколько лет.

В пути я была неосторожна, за что тут же поплатилась: я попыталась путешествовать автостопом, но одного неприятного происшествия хватило, чтобы я навсегда отказалась от этой идеи. Водитель сказал, что хочет показать мне, где живет. Но пока мы ехали, дома перестали нам попадаться, по обочинам был лишь плотный кустарник, а дорога из асфальтированной превратилась в грунтовую, причем совершенно заброшенную. К счастью, я не потеряла присутствия духа, и мне удалось его заболтать. Отделавшись несколькими слюнявыми поцелуями, я *торопливо* выскочила из машины в нужном мне городе. Так закончились мои попытки путешествовать автостопом.

С тех пор я пользовалась только общественным транспортом, и, не считая мутного эпизода с автостопом, это было замечательное приключение. Особенно мне нравилось не знать, где я окажусь завтра. Кроме того, постепенно продвигаясь на автобусах и поездах в сторону более теплого климата, я нередко знакомилась с замечательными людьми. Через несколько недель я позвонила маме. Оказалось, мне пришло письмо: на одном из выбранных мной островов меня ждала работа. Правда, я так торопилась сбежать из банка, что совершила глупейшую

ошибку: написала, что согласна взяться за любую работу. И вот я оказалась на прекраснейшем острове... по локоть в грязных кастрюлях и сковородках.

Впрочем, жизнь на острове была прямо сказкой – я не просто вырвалась из офисной рутины, а обычно даже не знала, какой сегодня день недели. Это было счастье. Год проработав в неромантической должности посудомойки, я постепенно доросла до повышения и перешла в бар. На кухне мне работалось вполне весело, к тому же я массу нового узнала о творческом подходе к готовке. Но все равно это была тяжелая, жаркая и потная работа в тропическом климате и без кондиционера. Зато все выходные я проводила, бродя по невероятным джунглям, плавая на лодке на соседние острова, ныряя с аквалангом или просто расслабляясь в этом райском саду.

Вначале я вызвалась помогать в баре бесплатно, а со временем насовсем перебралась из кухни за вожделенную барную стойку. Работать там было несложно, а из окон открывался потрясающий вид на идеально спокойный синий океан, белый песок и качающиеся пальмы. Я обслуживала довольных посетителей, наслаждавшихся отпуском, и научилась профессионально смешивать роскошные тропические коктейли, которые украсили бы любой туристический буклет. Эта жизнь ничем не напоминала мое офисное существование.

За стойкой я познакомилась с европейцем, который предложил мне поработать в своей типографии. Мне всегда хотелось посмотреть мир, и после двух лет на острове я чувствовала, что уже готова к переменам. К тому же я всегда хотела вернуть себе некоторую анонимность. Когда день за днем живешь и работаешь в одном и том же небольшом коллективе, начинаешь особенно ценить личное пространство. Я собрала вещи и отправилась в Европу.

Культурный шок – естественная реакция для любого, кто вернулся на материк после пары лет жизни на острове. Но оказаться к тому же сразу в чужой стране, даже не зная местного языка, было, мягко говоря, непросто. В течение этих месяцев мне встретилось какое-то количество приятных людей, и в целом я благодарна жизни за этот опыт. Но мне нужны были друзья, которые больше походили бы на меня, поэтому очень скоро я решила перебраться в Англию. Когда я ступила на английскую землю, денег у меня хватало только на билет до единственного знакомого в этой стране – так началась новая глава в моей жизни.

У Нева была широкая улыбка и редящие седые кудри. Будучи большим любителем и ценителем вин, он работал в винном отделе универмага «Харродс». В тот день в магазине как раз началась летняя распродажа, и я, явившаяся туда с ночного парома через Ла-Манш, определенно смотрелась в этом дорогом элегантном заведении как бродяжка.

– Нев, привет! Я Бронни, подруга Фионы, вы несколько лет назад ночевали у меня на диване, – сообщила я через стойку, радостно улыбаясь.

– Бронни, ну конечно, – услышала я с облегчением. – Что новенького?

– Мне очень нужно где-то переночевать сегодня, – сказала я с надеждой в голосе.

Нев сунул руку в карман и протянул мне ключ:

– Не вопрос. Вот, возьми.

Так я получила место для ночлега и инструкции, как туда добраться.

– А можете еще одолжить мне десять фунтов, пожалуйста? – спросила я оптимистично.

Без тени сомнения он выдал мне десять фунтов. Я тепло поблагодарила его в ответ – все мои вопросы были решены. Мне было где спать и что есть.

Я купила свежий номер журнала о путешествиях, при помощи которого планировала устроиться на работу, пришла домой к Неву и позвонила по трем объявлениям. На следующее утро я уже ехала на собеседование в паб в графстве Суррей, где требовалась помощница с проживанием. К середине дня мы обо всем договорились, и я поселилась в пабе. Прекрасно.

Пару лет жизнь шла своим чередом, я была занята в основном дружбой и романами. Это было хорошее время. Мне нравилась деревенская жизнь: порой она напоминала жизнь на острове, к тому же я жила среди людей, которых успела узнать и полюбить. До Лондона было не слишком далеко, и я регулярно и с удовольствием ездила туда на электричке.

Но прошло время, и дорога снова начала манить меня. Мне ужасно хотелось увидеть Ближний Восток. Пришло время принять решение, уезжать или оставаться, и я решила задержаться в Англии на третью зиму, чтобы подкопить денег на поездку. Для этого нужно было съехать из паба, чтобы не поддаваться искушению каждый вечер веселиться с друзьями. Надо сказать, я никогда много не пила, а позже и вовсе отказалась от алкоголя, но все равно каждый вечер вне дома стоил мне денег, которые можно было бы отложить на путешествие.

Приняв решение остаться, я почти сразу увидела объявление о поиске компаньонки для Агнес. Оно привлекло мое внимание, потому что адрес был в соседнем графстве. На работу меня взяли почти мгновенно – как только фермер Билл понял, что я тоже выросла на ферме. Его матери, Агнес, было под девяносто, у нее были седые волосы по плечи, жизнерадостный голос и большой круглый живот, почти ежедневно прикрытый одной и той же вязаной красно-серой кофтой.

Ферма находилась в полчаса езды от паба, так что по выходным я ездила навещать друзей. Но при этом я жила как будто в другой вселенной. Круглые сутки с вечера воскресенья по вечер пятницы я проводила с Агнес, в полной изоляции от остального мира. Каждый день мне полагались два часа отдыха в середине дня, но мне редко удавалось с кем-то увидеться, хотя иногда в это время я встречалась со своим парнем.

Дин был чудесным человеком. С самого начала, с первой же минуты нас сблизило чувство юмора. Нас также связывала любовь к музыке. Мы познакомились на следующий день после моего приезда в страну, сразу после собеседования насчет работы в пабе. Очень скоро стало очевидно, что это знакомство делает наши жизни богаче и веселее. К сожалению, львиную долю своего времени я была вынуждена проводить вовсе не с Дином. В основном я была заперта в домике с Агнес, занимаясь поиском ее вставной челюсти. Просто поразительно, как она ухитрялась находить все новые места для своих потерянных зубов в таком небольшом пространстве.

У Агнес была собака по имени Принцесса: десятилетняя немецкая овчарка, которая непрерывно линяла. Это была добрая собака, но из-за артрита у нее ослабли задние лапы – кажется, распространенное заболевание для этой породы. Я приподняла Принцессину задницу и искала под ней зубы Агнес, но безуспешно. Иногда Принцессе случалось усесться на них, так что проверить все равно стоило. Собака вильнула своим большим хвостом и вновь уснула перед камином, сразу же забыв обо мне. Продолжая поиски, мы с Агнес постоянно сталкивались лбами. «Здесь их нет», – кричала она из спальни.

«Здесь тоже!» – отвечала я из кухни. Рано или поздно мы менялись местами: я начинала искать в спальне, а Агнес на кухне. В малюсеньком домике было не так уж много места для поисков, так что мы на всякий случай дважды обыскивали все комнаты. В тот конкретный день зубы нашлись в корзинке с вязанием, стоявшей возле кресла.

«Дорогуша, ты просто сокровище, – сказала Агнес, засовывая челюсть в рот. – Раз уж ты все равно вышла из своей комнаты, садись смотреть со мной телевизор». Она часто пользовалась этой маленькой уловкой, и я, улыбнувшись, села с ней рядом. Агнес долгое время жила в одиночестве и теперь бесконечно радовалась моему обществу. Книжка подождет, решила я. Мою работу никак нельзя было назвать тяжелой или напряженной. Агнес требовалась прежде всего не помощь, а компания, и мне было нетрудно провести с ней лишнее время.

Мне случалось находить ее зубы под подушкой, в ящике в ванной комнате, в чайной чашке в кухонном шкафу, в сумочке Агнес и во множестве других мест, где они еще хоть как-то могли оказаться. Но я также находила их за телевизором, в камине, в мусорном ведре, на холодильнике и в ботинке. И конечно же, под большой Принцессиной попой.

Многих людей устраивает однообразная жизнь. Лично я предпочитаю перемены. Но у рутины есть свои преимущества, и она подходит многим людям, особенно если они уже в возрасте. У нас с Агнес был строгий распорядок дня и всей недели. Каждый понедельник, в одно

и то же время, мы ездили к врачу, потому что Агнес нужно было регулярно сдавать кровь на анализы. Одного события в день было достаточно, иначе нарушился бы привычный дневной график Агнес, состоявший из отдыха и вязания.

Старушка Принцесса неизменно сопровождала нас повсюду, в любую погоду. Сначала я откидывала задний бортик нашего пикапа. Огромная собака терпеливо ждала, не переставая вилять хвостом. Затем я ставила ее передние лапы на бортик и спешила скорее подхватить ее за заднюю часть, чтобы у Принцессы не успели подкоситься лапы и нам не пришлось бы начинать с начала. После этого упражнения я на всю поездку была покрыта ровным слоем рыжей собачьей шерсти.

Спрыгивать вниз ей было проще, хотя помощь все равно требовалась. Принцесса наполовину сползала вниз, так что ее передние лапы стояли на земле, а затем ждала, пока я спущу ее задние лапы на землю. Если в процессе мне нужно было отвлечься и помочь Агнес, Принцесса так и дожидалась меня, задрав хвост в небо и не двигаясь с места. Оказавшись на земле, она передвигалась самостоятельно, неизменно виляя огромным хвостом.

По вторникам мы ездили за продуктами в соседнюю деревню. Многие пожилые люди, с которыми я работала, были очень бережливы. С Агнес все обстояло наоборот. Она постоянно пыталась мне что-нибудь купить, особенно что-нибудь ненужное. У каждой полки повторялось одно и то же: две женщины, пожилая и молодая, ругались друг с другом, улыбаясь и даже иногда смеясь, но не уступая. В конечном итоге Агнес покупала мне половину того, что хотела. Это бывали самые разные вещи, от вегетарианских вкусов и импортных манго до новой расчески, майки или какой-нибудь жуткой на вкус зубной пасты.

По средам мы снова ездили в деревню, на этот раз играть в бинго. Видела Агнес плохо, поэтому я выступала ее глазами. Она сама читала цифры и достаточно хорошо слышала, но сверялась со мной каждый раз перед тем, как вычеркнуть очередную цифру. Я обожала всех стариков, с которыми мы играли. Мне еще не стукнуло тридцать, так что я была в этой компании самой молодой, чем Агнес очень гордилась. Она называла меня «моя подружка».

«Вчера мы с моей подружкой ездили за покупками, и я купила ей новых трусов», – серьезно и с гордостью сообщала она другим пожилым игрокам.

Все кивали и улыбались мне, а я сидела и думала: «Начинается».

Агнес продолжала: «На этой неделе ей пришло письмо от мамы, из Австралии. Знаете, там сейчас очень жарко. И у нее родился новый племянник». И снова все кивали и улыбались.

Я быстро научилась ограничивать информацию, которой делилась с Агнес. Иначе страшно подумать, что узнали бы обо мне все ее знакомые – особенно в те дни, когда мама присылала мне красивое нижнее белье и другие подарки, чтобы побаловать. Но Агнес любила меня и никогда не имела в виду ничего плохого, так что я терпела, даже если от ее слов мне приходилось краснеть.

По четвергам мы обедали в городе. Это был большой выход в свет для всех троих, включая Принцессу, разумеется. Мы ездили в небольшой городок в Кенте и обедали там с дочерью Агнес. По английским меркам пятьдесят километров это далеко, но для австралийца это рукой подать. Мы совершенно по-разному воспринимаем расстояния.

В Англии можно проехать всего три километра и оказаться в другой деревне. В ней будет принципиально другой акцент, и вы можете не знать там ни единого человека, даже если всю жизнь прожили в соседней деревне. В Австралии легко можно прокатиться восемьдесят километров за батоном хлеба. Ближайшие соседи иногда живут так далеко, что поговорить или поздороваться вам удастся только по телефону или по рации, но при этом они все равно считают себя вашими соседями. Однажды я работала в Северной территории в такой глуши, что до ближайшего паба нужно было лететь на самолете. Ранним вечером маленькая посадочная полоса была полностью забита одноместными и двухместными самолетиками и пустела только к утру, когда посетители, напившись грога, разлетались по домам, каждый на свою ферму.

Так что наши поездки в город по четвергам были для Агнес большим выходом в свет, а для меня – легкой и приятной прогулкой. Ее дочь оказалась милой и доброй женщиной, и обед проходил в приятной обстановке. Они обе всегда заказывали «обед пахаря»: большой бутерброд с говядиной, сыром и маринованными овощами. Я часто поражалась любви англичан к маринованным овощам. Впрочем, для вегетарианцев Англия – хорошая страна, у меня всегда был выбор, что поесть. Зимой я постоянно мерзла, так что обычно заказывала большую тарелку горячего супа или сытной пасты.

Пятницы мы проводили ближе к дому. Мы жили на скотоводческой ферме со своей собственной мясной лавкой, которой заправляли сыновья Агнес. Хотя Агнес настаивала, что ей нужно самой подробно рассмотреть, что она покупает, каждую неделю она неизменно брала в лавке одно и то же. Мясник даже предлагал ей привозить заказ на дом, но нет. «Большое спасибо, но я должна приходить и сама все выбирать», – отвечала она очень вежливо.

В то время я была вегетарианкой (теперь я веганка). При этом я жила на скотоводческой ферме, очень похожей на ту, где выросла. Не поддерживая мясоедство, я прекрасно понимала и этот бизнес, и образ жизни. В конце концов, он был мне хорошо знаком.

Из лавки мы шли пешком и по пути проходили через хлев, останавливаясь поболтать с работниками и коровами. Агнес медленно переставляла ноги, опираясь на свою палку, я шла рядом, а Принцесса позади. Холодная погода нас не смущала – мы просто одевались потеплее. Так мы проводили каждую пятницу, сначала заходя в лавку, а потом в хлев к коровам.

Я удивлялась тому, как англичане обращаются со своими коровами: у них был теплый хлев, и каждая получала отдельное внимание и заботу. В Австралии все устроено иначе, но, с другой стороны, австралийским коровам не приходится терпеть долгие и холодные английские зимы. Несмотря на хороший уход, мне было ужасно грустно знакомиться с каждой коровой, зная, что вскоре мы отправимся покупать ее мясо в лавке. С этим трудно было примириться, и до конца мне это так и не удалось.

Дома тема моего вегетарианства всплывала очень часто, хотя я пыталась отмалчиваться и всегда уважала выбранный моей семьей образ жизни. Я никогда не была из тех вегетарианцев или веганов, которые не переставая рассказывают всем о своем выборе. Впрочем, я росла на скотоводческой ферме и многое видела, а школьницей еще и побывала на экскурсии на скотобойне, которую мне не забыть никогда. Поэтому я понимаю, почему некоторые люди с такой страстью говорят об отказе от мяса. Тот, кто найдет в себе силы поинтересоваться, что происходит за стенами скотопромышленных комплексов, увидит душераздирающее зрелище.

Но сама я предпочитала жить тихо, подавая другим пример своими поступками и уважая право каждого человека жить так, как он хочет. О своих убеждениях я рассказывала, только если меня о них спрашивали, и с радостью отвечала на любые вопросы. Интересно, что на протяжении многих лет едва знакомые со мной люди не раз пытались провоцировать меня на споры и конфликты из-за моего решения не есть животных. Возможно, поэтому я и не хотела говорить о своем вегетарианстве. Мне просто хотелось мирной жизни.

Поэтому, когда Агнес начала расспрашивать меня, почему я не ем мясо, я заколебалась. Она жила на те доходы, которые приносило ее семье животноводческое хозяйство. Если подумать, то и сама я жила на эти же доходы, хотя в тот момент это не приходило мне в голову. Я взялась за эту работу, просто чтобы подкопить денег и скрасить жизнь одинокой старушке.

Но она продолжала меня расспрашивать. Тогда я рассказала ей, что чувствовала в детстве, видя, как забивают коров и овец, и как сильно это на меня повлияло. Как я всегда любила животных и как заметила, что коровы мычат иначе, когда знают, что скоро умрут. Эти звуки, полные ужаса и паники, преследуют меня до сих пор.

Этого оказалось достаточно. Агнес немедленно заявила, что становится вегетарианкой. «Приплыли, – подумала я. – Как я объясню это ее родным?» Вскоре у меня состоялся разговор на эту тему с Биллом, а потом он провел беседу и с Агнес. Он хотел, чтобы Агнес продолжала

есть мясо, но она не отступалась. Наконец, она согласилась раз в неделю есть красное мясо, раз в неделю – рыбу и еще раз – курицу. Когда у меня были выходные, ее кормила семья, так что в эти дни она тоже ела мясо.

Со временем я только укрепилась в своих взглядах на мясоедство, и теперь я бы даже не рассматривала такую работу, которая требовала бы от меня готовить мясо. Но тогда я была моложе и мягче, хотя эта часть моих обязанностей была мне ненавистна. Каждый раз, готовя мясо, я грустила, что когда-то оно было прекрасным живым существом, наделенным чувствами и правом на жизнь. Так что новая договоренность мне сразу понравилась, хоть я и считала, что рыба и курица – тоже животные.

Впрочем, оказалось, что Агнес согласилась с Биллом только для вида. Она вовсе не собиралась есть мясо в течение недели. Так что оставшиеся зимние и весенние месяцы я готовила нам вкуснейшую вегетарианскую еду – кексы с орехами, чудные супы, разноцветные рагу и так далее. Если бы я этого не делала, думаю, Агнес с удовольствием питалась бы одними яйцами и консервированной фасолью. В конце концов, она была англичанкой, а англичане обожают фасоль.

Снег растаял, и цветущие нарциссы объявили о приходе весны. Дни становились длиннее, небо из серого вновь стало голубым. Ферма ожила: вокруг на своих шатких тонких ножках бегали новорожденные телята. С зимовки вернулись птицы и каждый день приветствовали нас пением. Принцесса линяла еще сильнее обычного. Мы с Агнес убрали свои зимние пальто и шапки и еще пару месяцев продолжали следовать привычному графику, наслаждаясь весенним солнышком. Мы были просто две женщины из разных поколений, которые гуляют под ручку, болтают и смеются.

Но зов дальних стран становился все сильнее. Мы с Агнес с самого начала знали, что я не останусь с ней надолго. Кроме того, я скучала по Дину. Нам не хватало выходных, и мы с нетерпением ждали возможности вместе отправиться в путь. Мне начали искать замену; наше время с Агнес подходило к концу. Эти месяцы подарили мне прекрасный, ни на что не похожий опыт. Хотя изначально я согласилась на эту работу ради денег, она принесла мне немало радости.

Быть компаньонкой понравилось мне куда больше, чем разливать пиво. Было намного приятней подставлять плечо человеку, который стар и немощен, а не тому, который молод и пьян – или даже стар и пьян. Пока я работала в английском пабе на острове, мне регулярно приходилось подставлять плечо нетрезвым посетителям. Разыскивать старушкины зубы было куда приятней, чем убирать грязные пепельницы и пивные стаканы.

Мы с Дином отправились на Ближний Восток, знакомиться с поразительной культурой, совершенно не похожей на нашу (и объедаться вкуснейшей едой). Через год странствий я вернулась навестить Агнес. Мое место заняла другая австралийка, и мы с ней долго болтали после того, как Агнес уснула в своем кресле. Среди прочего она рассказала, что ее откровенно удивил первый вопрос, заданный Биллом на собеседовании. Узнав, что это был за вопрос, я расхохоталась.

Первым вопросом Билла было: «Скажи сразу, *ты* же не вегетарианка?»

Неожиданный карьерный путь

Проведя несколько лет в Англии и на Ближнем Востоке, я наконец вернулась домой, в любимую Австралию. Путешествия совершенно изменили меня, как это часто бывает. Я попробовала вернуться на работу в банк, но скоро стало очевидно, что эта сфера мне совершенно не подходит. Единственной более-менее приятной частью моей профессиональной деятельности было обслуживание клиентов, и, хотя найти такую работу было легко в любом городе, я чувствовала себя несчастной и не на своем месте.

Мое творчество тоже пошло на спад. Теперь я жила в Западной Австралии, в городе Перт. Однажды, сидя на берегу реки Суон, я составила два списка. В одном я перечислила все, что умею делать. Во втором – все, что я люблю делать. Исходя из этих списков, пришлось признать, что во мне должен скрываться человек искусства, потому что единственные пересекающиеся пункты были связаны с творчеством.

«Но разве я решусь податься в искусство?» – подумала я. Хотя я выросла среди музыкантов, мне внушали, что очень важно иметь «приличную работу», поэтому никто не мог понять, почему я так маюсь, несмотря на стабильную работу в банке. Да, это была «приличная работа»; приличная работа, которая медленно, но верно меня убивала.

Мне пришлось как следует покопаться в себе в поисках дела, которое мне хорошо удается и в то же время приносит радость. Это было непростое время, потому что внутри меня происходили большие перемены. Наконец, я пришла к выводу, что рано или поздно мне придется начать работать сердцем: работа одним умом принесла мне только неудовлетворенность и пустоту. Так я начала развивать свои творческие навыки – вначале литературные и фотографические, но постепенно, по кривой и длинной траектории, этот путь привел меня на сцену с гитарой в руках. Все это время я продолжала работать в банке, хотя и не на полную ставку. Выдержать полноценный рабочий день в офисе у меня уже просто не получалось.

Перт был довольно далеко от моих родных мест, и, хотя мне нравился этот город, желание быть ближе к друзьям и семье победило. Я отправилась назад – через величественную равнину Налларбор и хребет Флиндерс, по шоссе Грейт-Оушен, а потом по Нью-Ингленд, пока не добралась до Квинсленда. Там я решила задержаться и некоторое время работала в колл-центре для людей, желающих подписаться на телеканал для взрослых. Это было куда увлекательней, чем перекладывать бумажки в банке.

– Э-э-э...

Пауза.

– Я звоню по просьбе мужа.

– Вы, наверное, хотели бы подписаться на ночной канал? – отвечала я как можно дружелюбней, стараясь успокоить собеседницу.

Или же звонили мужчины и спрашивали:

– Ну а как там вообще? В смысле, *все* видно?

– Извините, я сама не смотрела, но могу предложить вам одну ночь на пробу за шесть долларов девяносто пять центов. Если вам понравится, вы сможете перезвонить и подписаться на весь месяц.

И конечно, бывали предсказуемые звонки с вопросами типа: «Какого цвета на тебе трусики?» На этом месте я всегда вешала трубку. Впрочем, если не считать щекотливых и комичных ситуаций, это была всего лишь очередная офисная работа. Я подружилась с другими сотрудниками, и это скрашивало мне будни, но неудовлетворенность никак не проходила.

Мы переехали в мой родной штат, Новый Южный Уэльс. Дин, с которым мы встречались в Англии, а потом путешествовали по Ближнему Востоку, прилетел со мной в Австралию. Вскоре после переезда в Новый Южный Уэльс наши отношения закончились. Мы нежно

любили друг друга несколько лет и почти все это время были лучшими друзьями. Было горько смотреть, как эта дружба рушится, но нам больше не удавалось игнорировать многочисленные несовпадения в образе жизни.

Я была вегетарианкой. Дин ел мясо. Я всю неделю работала в четырех стенах и на выходных мечтала выбраться на природу. Он всю неделю работал на улице и по выходным хотел сидеть дома. Список был длинным, и с каждой неделей, казалось, только увеличивался. Все, что нравилось одному из нас, больше не нравилось другому. Нас все еще объединяла любовь к музыке, но в конечном итоге наша связь утратила силу. Каждый справлялся с этой потерей как мог.

Это было тяжелое и грустное время: отношения закончились, оставив после себя лишь горечь утраты. Но даже плача над своим разбитым сердцем, я знала, что исправить ничего нельзя. Жизнь звала нас в разные стороны, и наши отношения уже не помогали, а мешали каждому идти своим путем.

После расставания с Дином я еще активней начала искать свое предназначение, возлагая большие надежды на профессиональную сферу. Оказалось, что человеку искусства выжить очень непросто, пока он не раскрутится и не наработает репутацию; мне срочно нужно было найти новую работу.

Я твердо знала, что со временем у меня получится зарабатывать на жизнь искусством. В конце концов, несбыточных мечтаний не бывает. Но пока что мне нужно было снова начать зарабатывать деньги, причем в такой области, где я могла бы быть собой и вкладывать в работу душу. В банковский мир я больше не вписывалась – если я вообще туда когда-то вписывалась. Чтобы не бросать творчество, я приняла решение снова пойти работать компаньонкой с проживанием. Как минимум у меня не будет болеть голова об ипотеке или арендной плате, к тому же я буду свободна от жесткого монотонного графика.

Хотя этому решению предшествовали годы поисков себя, я приняла его почти небрежно, с легкостью. Все просто: я найду работу компаньонкой, чтобы продолжать работать над своей творческой карьерой, буду вкладывать в работу душу и к тому же мне не придется платить за жилье. Я понятия не имела в тот момент, что мои поиски по-настоящему душевной работы увенчались сокрушительным успехом и что следующие годы станут важнейшей частью моей жизни и дела всей моей жизни.

Уже через две недели я переехала в дом в одном из самых дорогих районов Сиднея. Мою новую подопечную, Рут, нашли лежащей без сознания на кухонном полу. После месяца в больнице ее отпустили домой при условии, что за ней будет круглосуточный присмотр.

У меня был ограниченный опыт в этой области – только с Агнес несколько лет назад. Я никогда не ухаживала за больными людьми и честно сказала об этом в агентстве, но там не возражали. Сиделки с проживанием были редкой ценностью, поэтому сотрудники агентства не хотели меня упустить. «Просто веди себя уверенно, а если понадобится помощь, звони нам». Вот так в одно мгновение я превратилась в сиделку.

Развитая эмпатия помогала мне достаточно успешно – для новичка – справляться с этой работой. Я просто обращалась с Рут как с собственной бабушкой, которую безумно любила. Заботясь о ее нуждах, я на ходу соображала, что и как делать. Каждые несколько дней к нам заглядывала районная медсестра и задавала вопросы, на которые я понятия не имела как отвечать. Поскольку я этого не скрывала, она стала мне помогать, рассказывая про лекарства, уход за больными и знакомя с профессиональным жаргоном.

Мои работодатели тоже заходили нас проводить. Увидев, что Рут всем довольна, они уходили, полностью удовлетворенные. Они и представить себе не могли, что я на полных парах лечу к эмоциональному и физическому истощению. Я, наверное, тогда и сама этого не понимала.

Семья была довольна, потому что я баловала Рут как могла. Массаж ног, маникюр, маски для лица и бесконечные разговоры за чаем. Как я уже говорила, я обращалась с ней как с любимой бабушкой. Никто не учил меня вести себя иначе.

Рут звонила в свой колокольчик и по ночам, и я сломя голову бежала вниз по лестнице, чтобы помочь ей пересест на кресло-туалет возле кровати. «Какая ты шикарная!» – говорила она, когда я входила в комнату. Мой шик заключался в том, что я иногда ложилась в постель, не распуская волосы, потому что у меня не было сил расчесаться. Другой «шикарной» частью моего образа была ночная рубашка, которую навязала мне мама.

«Ты не можешь поселиться в этом доме и спать голой или в обноски, – умоляла мама. – Пожалуйста, обещай мне, что будешь носить мой подарок». Так что из уважения к маминым желаниям я спала в шелковой ночнушке. Шикарней меня просто не было, когда я в полусне заходила в спальню Рут четвертый или пятый раз за ночь, с трудом удерживая глаза открытыми, мечтая выспаться хоть одну ночь. В течение дня Рут тоже не отпускала меня от себя, так что шанса прилечь подремать не было. Когда сама Рут днем ложилась отдыхать, я спешила закончить работу по дому.

Даже сидя на горшке, она хотела общаться. После многих лет жизни в одиночестве Рут буквально купалась в моем внимании. Я тоже получала удовольствие от нашей дружбы, не считая необходимости в три часа утра слушать как Рут, восседая на горшке, рассказывает, какие чашки и блюда были у нее на каком-то званом ужине тридцать лет назад.

Рут рассказывала мне о годах, прожитых у залива, и о том, как девочкой играла у гавани вместе с другими детьми. Лошади таскали повозки по тихим улочкам, развозя молоко и хлеб. По воскресеньям в церковь все надевали свою самую нарядную одежду. Рут рассказывала о том, как ее дети были маленькими, и о своем давно покойном муже. Ее дочь Хезер, которая мне очень нравилась, заглядывала к нам каждые пару дней, и ее визит всегда был как глоток свежего воздуха. Сын Рут со своей семьей жил за городом, и, если бы Хезер о нем не упоминала, легко было бы забыть о его существовании. Он не принимал большого участия в жизни своей матери.

Хезер больше всех поддерживала Рут после смерти мужа. Пожилой брат Рут, Джеймс, тоже помогал. Он жил в паре километров от нас и каждый день приходил в гости, всегда в одно и то же время и в одном и том же свитере. По нему можно было проверять часы. Джеймсу было уже восемьдесят восемь лет, он никогда не был женат. Голова у него была идеально ясной, а характер – мягким и приятным, и я с удовольствием общалась с ним и любовалась простотой его жизни.

Время шло, Рут все не становилось лучше, и спустя месяц она по-прежнему лежала в кровати. После очередных анализов мне сообщили, что она умирает.

Я шла к гавани со слезами на глазах, как во сне. На мелководье плескались дети. Пешеходный мостик над заливом покачивался под ногами счастливых людей. Мимо шли паромы, двигаясь к Круглому причалу. Смеялись люди, устроившие пикник на берегу. Все казалось мне нереальным.

Я села почти у самой воды, прислонившись спиной к скале из песчаника, и посмотрела на безупречно синее небо. Стоял прекрасный зимний день, светило ласковое теплое солнце. Зима в Сиднее не похожа на европейские зимы, там никогда не бывает по-настоящему холодно, так что на мне была только легкая куртка. Я очень привязалась к Рут, и от мысли о ее смерти и о том, как больно мне будет ее потерять, хотелось плакать. Моей первой реакцией был шок от предстоящего расставания. Слезы текли по щекам, а мимо проплывала яхта, полная счастливых и здоровых людей. В этот момент до меня наконец дошло, что я буду ухаживать за Рут до самого конца.

Я выросла на животноводческой ферме и видела много умирающих и мертвых животных. Ничего нового в этом зрелище не было, хотя оно каждый раз меня расстраивало. Но общество,

в котором я жила, современное западное общество, старалось по возможности оберегать нас от лицецерения мертвых тел.

В некоторых культурах человеческая смерть – очевидная и привычная составляющая жизни. Но наше общество за семью замками держит смерть, практически отрицая ее. Вот почему умирающий человек, его семья и друзья оказываются совершенно не подготовленными к неизбежному. Мы все умрем, но вместо того чтобы признать смерть, стремимся скрыть ее. Как будто убеждаем себя, что поговорка «с глаз долой – из сердца вон» действительно срабатывает. Но она не срабатывает. Мы лишь все сильнее утверждаемся в жизни через материальную сферу и загоняем страх в глубину себя.

Если бы мы честно и заблаговременно приняли неизбежное, то сумели бы изменить приоритеты, пока не поздно, направить усилия на то, что в жизни действительно ценно. Признав, что наше время на земле не бесконечно – даже если мы не уверены, сколько нам осталось: годы, недели или часы, – мы меньше волновались бы о том, что подумают о нас другие, и реже поддавались бы на провокации своего эго. Мы чаще прислушивались бы к сердцу: чего на самом деле оно хочет. Признание своей неминуемой смерти дает нам куда больше возможностей обрести смысл жизни и счастье в оставшийся срок.

Со временем я осознала, сколько вреда причиняет нашему обществу отрицание смерти. Но в тот солнечный зимний день оно просто застало меня врасплох: я совсем не думала о том, что мне, сиделке Рут, предстоит пережить ее. Прислонившись затылком к скале, я молилась, чтобы мне хватило сил. И в детстве, и во взрослой жизни я уже испытала немало трудностей и верила, что не оказалась бы в этой ситуации, если бы не была для нее достаточно сильной. Но мою личную печаль и боль это не облегчало.

Так я сидела на солнышке, роняя слезы, и знала, что мне предстоит довести свою работу до конца и сделать последние недели Рут как можно более счастливыми и удобными. Я просидела у воды довольно долго, размышляя о жизни и о том, что близкая смерть Рут застала меня врасплох. Но я чувствовала, что мне есть чем с ней поделиться и что я должна это сделать. По пути домой я окончательно укрепилась в своем мнении: я сделаю для Рут абсолютно все, что в моих силах, а отсыпаться буду потом.

Позже в тот день к нам заглянул мой начальник. Я объяснила, что никогда не видела мертвого человека и тем более не ухаживала за умирающими, но мои слова влетели ему в одно ухо и вылетели из другого. «Семья тебя обожает. У тебя все получится». Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться, что у меня все получится.

С этого момента состояние Рут начало быстро ухудшаться. В выходные меня подменяли другие сиделки, и по мере того как потребности Рут росли, меня освободили и от ночных дежурств. Другие сиделки все равно постоянно мне звонили, но, во всяком случае, теперь я смогла спать по ночам.

Дни все еще проходили хорошо. Как правило, мы с Рут проводили их вдвоем. Район, где стоял дом, был тихим, лишь изредка до нас доносился смех из ближайшего парка. Нас навещала Хезер, а также Джеймс и разные медицинские работники. Я научилась у них очень многому и стремительно росла профессионально, даже не осознавая этого. Я просто делала все, что от меня требовалось, и в процессе задавала множество вопросов.

Однажды утром я собиралась уезжать на выходные в город, повидать двоюродного брата и немного отвлечься от тяжести происходящего. Меня остановил запах из спальни. Ночная сиделка его либо не заметила, либо не захотела замечать, оставив уборку дневной сиделке, которая вот-вот должна была прийти. В следующие годы я часто такое видела.

Ни за что на свете я не оставила бы свою любимую подругу лежать в грязи ни минуты. Ее кишечник полностью опорожнился. Рут лежала в кровати обмякшая и только тихо постукивала. Ее внутренние органы понемногу отказывали. Ночная сиделка неохотно оторвалась от глянцевого журнала и помогла мне помыть Рут и поменять грязное постельное белье. Большим

облегчением стало появление дневной сиделки, которая все бросила и энергично стала нам помогать. Мы устроили обессиленную Рут в чистой постели, и очень скоро она уже глубоко спала.

Позже я сидела и болтала с братом, но сердце мое было дома, с Рут. Я была благодарна брату за легкую, веселую обстановку, в какой всегда проходили наши с ним встречи, но понимала, что остаться у него не смогу. Я думала только о Рут и вовсе не была уверена, что она протянет до конца выходных. Я провела в гостях всего несколько часов, когда мне позвонил начальник: сообщил, что Рут перешла в последнюю стадию, и попросил меня приехать.

Домой я вернулась уже затемно. Мрачное настроение, царившее в доме, ощущалось еще с улицы. При Рут были Хезер с мужем и новая ночная сиделка, которая только что приехала, – приятная ирландка.

Хезер спросила, не буду ли я против, если она уедет. Я мягко ответила, что пусть поступает так, как для нее будет лучше. Она отправилась домой. После ее отъезда мне сначала было сложно справиться с собой и не осуждать ее. Если бы умирала моя мама, я бы горы сдвинула, чтобы быть с ней рядом.

Говорят, что в основе любого действия, любой эмоции или мысли лежит либо страх, либо любовь. Я решила, что Хезер поддалась страху, и почувствовала к ней сострадание и любовь. С самого начала нашего знакомства она казалась мне очень практичным и довольно сдержанным человеком. Но сейчас я оказалась в незнакомой ситуации. Я не хотела, чтобы мои собственные убеждения встали между мной и человеком, который стал мне дорог, только потому, что он ведет себя иначе, чем я.

Сидя в полутемной комнате с Эрин, второй сиделкой, я сумела внутренне принять поступок Хезер и отнестись к нему с уважением. Она сделала то, что должна была сделать, и ей не в чем было себя упрекнуть. Десятилетиями она ухаживала за матерью с той же отдачей, что и за собственной семьей. Она была полностью опустошена – физически и эмоционально. Сделав все возможное, она хотела запомнить свою маму мирно спящей. Я улыбнулась, решив, что поняла Хезер.

Однако в следующие несколько дней в разговоре с Хезер я выяснила, что все было не так. Рут дала ей понять, что ей нужно уйти – Хезер знала свою мать достаточно хорошо, чтобы считывать ее желания. Так что она ушла из любви, а вовсе не из страха. В следующие несколько лет подобные ситуации мне встречались еще не раз. Не каждый умирающий человек хотел, чтобы семья была рядом до последнего. Многие прощались с родными, пока были в сознании, и предпочитали, чтобы в последний путь их проводили сиделки.

Мы с Эрин негромко болтали в комнате Рут; в воздухе ощущалось присутствие смерти. Эрин рассказывала, что у нее дома принято было собираться у постели умирающего всей семьей. Дяди, тети, двоюродные братья и сестры, дети и даже соседи – все приходили проститься и проводить человека в последний путь.

Наша беседа то и дело прерывалась долгими паузами. Мы обе смотрели на Рут и ждали. Ночь была невероятно тихой. Я молча посылая Рут всю любовь, какая была у меня в сердце. Мне повезло, что рядом была именно Эрин, потому что ей было не все равно. Она от природы была неравнодушным человеком.

– Она открыла глаза, – вдруг сказала Эрин удивленно. До этого Рут пребывала в полуматозном состоянии.

– Она смотрит на тебя.

Я подо двинулась к кровати и взяла Рут за руку.

– Я здесь, милая. Все хорошо.

Она посмотрела мне прямо в глаза, и через секунду ее дух начал покидать тело. Оно некоторое время тряслось, затем успокоилось.

У меня по щекам градом полились слезы. Про себя я от всего сердца поблагодарила Рут за наше время вместе, сказала ей, что я люблю ее, и пожелала ей хорошего путешествия. Это был трепетный момент, полный тишины и любви. Стоя в полутемной комнате, я думала о том, каким благословением было время, проведенное с Рут.

И вдруг ее тело сделало еще один глубокий вдох. У меня чуть сердце не выпрыгнуло из груди.

– Ничего себе! – сказала я Эрин. Она засмеялась:

– Бронни, это совершенно нормально. Так часто бывает.

– Ну спасибо, что предупредила, – ответила я, уже улыбаясь, но все еще в шоке. Сердце колотилось, как безумное, и вся благоговейность момента улетучилась. С опаской я вновь приблизилась к кровати.

– Это еще повторится? – шепотом спросила я.

– Может.

Мы еще минуту-другую молча подождали, почти не дыша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.